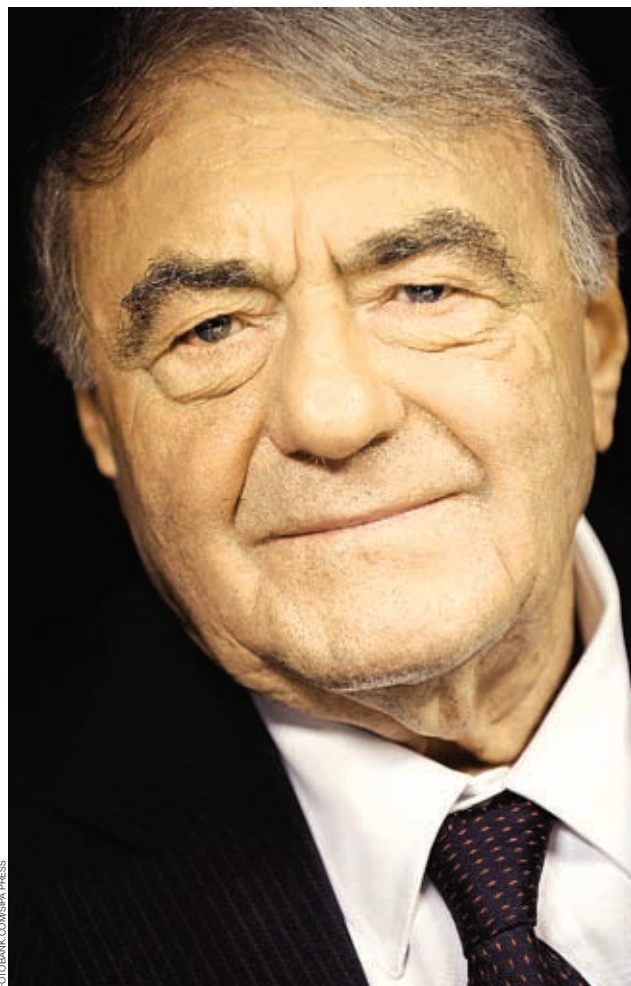

Клод Ланцман

FOTOBANK.COM/SPA PRESS

В ПРОГРАММУ ЯРМАРКИ NON/FICTION ВХОДИТ ПОКАЗ ФИЛЬМА ФРАНЦУЗСКОГО ДОКУМЕНТАЛИСТА И ПИСАТЕЛЯ КЛОДА ЛАНЦМАНА «ШОА» («SHOAH» — УНИЧТОЖЕНИЕ). ВОСЬМИДЕСЯТИЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ ЛАНЦМАН ПРОЖИЛ ПОЛНУЮ СОБЫТИЙ ЖИЗНЬ — ОН УЧАСТВОВАЛ В СОПРОТИВЛЕНИИ, ПОТОМ (МИТИНГОВАЛ ПРОТИВ ВОЙНЫ В АЛЖИРЕ, ДРУЖИЛ С САРТРОМ И СЕЙЧАС ВОЗГЛАВЛЯЕТ ОСНОВАННЫЙ ИМ ЖУРНАЛ LES TEMPS MODERNES. ТАК ЧТО НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ОН УСПЕЛ СНЯТЬ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО КАРТИН. ЗАТО ОДНА ИЗ НИХ ИДЕТ БОЛЕЕ ДЕВЯТИ ЧАСОВ, И НЕ РАЗ БЫЛА НАЗВАНА ГЛАВНОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛЕНТОЙ XX ВЕКА

«ШОА» — очень красиво и кропотливо снятое кино, недаром Ланцман работал над ним 11 лет. Хотя формула его проста — реальные действующие лица плюс реальные места, вот и все. Ни одного кадра хроники — в 1985-м, когда фильм вышел, такой подход к исторической документалистике сам по себе был прорывом. Эти девять часов составлены из множества интервью с теми, кто так или иначе оказался причастен к машине уничтожения евреев — в качестве мучимого, в качестве мучителя и в качестве бездеятельного наблюдателя.

Можно сказать, что последняя категория участников «главного зла XX века» и была определена именно ланцмановским фильмом, хотя сам режиссер, скорее всего, перед собой такой цели не ставил. Но как бы ни были душераздирающи истории, поведенные выжившими узниками концлагерей, и, наоборот — предельно сухи, но все равно пугающи рассказы бывших эсэсовцев, они только добавляли еще штрих, еще чувство к сложившейся уже и так картине. А вот тот факт, что там, где происходила катастрофа — например, в населенных пунктах Трешлинка и Собибор, — в то время просто жили люди, которые ничего особенного по поводу всего этого не чувствовали, оказался окончательно введен в общественное сознание именно после «Шоа».

Одна из самых цитируемых (и запоминающихся) сцен фильма — немногословный и корявый рассказ стрелоч-

ника из деревни Трешлинка, который, прислонившись к той самой своей будке, вспоминает, как туда поезда всегда шли набитые людьми, а оттуда всегда — совершенно пустые. И как он и его коллеги придумали шуточный жест приветствия проезжающих — оттопыренным пальцем они проводили себе поперек шеи, показывая струсившимся у окон людям (которые, как известно, своей судьбы не знали), что все, мол, им каюк.

Виртуозная камера Ланцмана убедительно показывает, что в этом человеке нет никакой особой злобности. Он просто спокойно и с юмором принимает сложившееся положение вещей — согласно которому те, другие, люди находились внутри поезда, а он — вне его. Ровно так же, как нет ничего показательного плохого в пожилых польских женщинах из Грабова, которые признают, что евреи (особенно еврейки) были вообще-то довольно высокомерные и неприятные, и хорошо, что они сейчас здесь не проживают, хотя нехорошо, конечно, что их вот так переубивали.

Ланцмана многократно упрекали в несправедливости, ангажированности и даже упрощении: все жертвы у него — евреи, все преступники — немцы, все бесчувственные свидетели — поляки. Но эта упрощенность, вернее, простота и делает «Шоа» таким сногшибательно сильным свидетельством — того, каким окончательно бесчеловечным существом может стать человек.

АННА НАРИНСКАЯ